

Галина Голицына

Чудо в тапках

Тщательно взбив кудряшки и поправив кокетливо перетянувшую их голубенькую ленточку, завязанную бантиком на лбу, я незаметно перекрестилась и нажала перламутровую пуговку звонка.

Честно говоря, я ожидала услышать залиvistую трель или, в крайнем случае, электронный вариант Моцарта или Бетховена, но меня постигло жестокое разочарование. Недра двухэтажного особняка залило какое-то странное жестяное дребезжание. Такие звонки бывают в старых чёрно-белых фильмах про советские коммуналки. К дребезжащему звонку должен прилагаться общий туалет и общая же кухня с двумя или тремя газовыми плитами, натянутые по диагонали верёвки с мокрым бельём, велосипеды и тазы в общем длинном и широком коридоре. Но в этом доме ничего такого быть не может.

Обособняк никак не отреагировал на звонок. Хозяин оглох, что ли? А может, дома просто нет... Вот жалость-то! Выходит, зря тащилась...

Ни на что особо не надеясь, я снова нажала перламутровую пуговку. И снова услышала допотопное дребезжание.

Никаких шагов за дверью я не услышала, но сама дверь распахнулась, явив миру и мне лохматого человека с сильно помятой со сна физиономией.

— Чего надо-то? — спросила физиономия, отчаянно зевая.

Сделав «приятное лицо» и нацепив свою лучшую улыбку, я спросила:

— Вы — Игнатов Игнат Михайлович?

— Ну...

— Да или нет? — уточнила я.

— А ты сама-то кто будешь? — промычал лохматый, изо всех сил борясь с зевотой.

Я снова лучезарно улыбнулась:

— Вас приветствует фирма «Хозяюшка»!
Домработницу заказывали?

— А-а, понятно, — лениво протянул он, почёсывая живот через футболку. — Ну, проходи, коли пришла. — И отступил на шаг, чтобы я могла пройти.

Одет Игнат Михайлович был в красную футболку, шорты цвета хаки (всё это ужасно мятое и явно несвежее) и пляжные шлёпанцы. Тоже мне, крутой работодатель...

Я вошла в дом, захлопнула за собой дверь и огляделась.

Холл был светлый, просторный и грустный. Одинокая кожаная куртка была подвешена за

шиворот на крючок, хотя буквально рядом на кронштейне болталось четыре пустых тремпеля. В противоположном углу сиротливо приютился потрёпанный футбольный мяч. На белоснежном пластиковом подоконнике — сероватый налёт невесомой пыли и пустая бутылка из-под пива, тоже припорошенная пылью.

Мерзость и запустение.

Нарисовав пальцем на пыльном подоконнике затейливый вензель, я вздохнула:

— Наш город вряд ли когда-нибудь получит приз ЮНЕСКО за чистоту и красоту. Содержание пыли в воздухе у нас исчисляется тоннами.

— Вот-вот, — подхватил он. — На улице пыль летает, а у меня в доме оседает. Сил уже моих нет бороться с ней! Потому и обратился в эту вашу «Хозяюшку».

— Понятно. Где я могу вручить вам свои верительные грамоты?

— Какие грамоты? — не понял он.

— Документы свои хочу вам показать. Чтобы вы убедились, что я — это я.

— А-а... Ну, пошли на кухню.

В холл выходило три двери. Все — распашные, с матовыми стёклами. Сейчас хозяин направился к левой, я, понятное дело, за ним.

Здесь оказалась кухня. Обеденный стол радовал глаз округлостью форм, что по нынешним

временам — большая редкость. По крайней мере, на кухне. Стульев было всего два. На один из них плюхнулся хозяин и махнул рукой в сторону второго — садись, дескать.

Я подала ему свои документы — паспорт, санитарную книжку, свидетельство об окончании курсов домоводства и направление с фирмы. Только после этого я присела на краешек стула, чинно сложила руки на коленях и замерла.

Лохматый Игнат Михайлович внимательнейшим образом изучал мои бумаги, а я так же внимательно изучала кухню. В конце концов, именно здесь мне и предстоит проводить большую часть времени. Правда, крутить головой налево-направо мне было неловко, поэтому я просто обвела взглядом ту часть пространства, что попадала в поле зрения.

Кухня оказалась практически квадратным помещением, очень просторным — размером с целую малогабаритную квартиру. Два больших окна пропускали много света, так что даже в такой пасмурный день, как сегодня, не было нужды зажигать электричество. Отдельно стоящей плиты не было. Варочная панель была врезана в столешницу, как это обычно показывают во всех кулинарных телепередачах. И вообще кухня была оборудована что надо! И микроволновка есть (стекло изнутри заляпано чем-то белым), и тостер

симпатичный, новенький (только крошек вокруг слишком много). Эх, такую бы кухню, да в хорошие руки!..

Впрочем, такие руки уже появились. Это были мои руки, и они прямо чесались, так им хотелось поскорее взяться за дело!

Налюбовавшись вдоволь на мои документы, хозяин вернул мне их все до единого со словами:

— А санитарную книжку, небось, за взятку сляпала...

— Ни-ни! — отчаянно замотала я головой. — Я же в «Хозяюшке» на специальных курсах домоводству училась, так мы всей группой ходили в больницу, на медкомиссию. У нас там с этим знаете как строго!

— Ладно, поверим, — вздохнул он. — И чему же тебя на курсах научили?

— А всему. Еду готовить, убирать, стирать, бельё гладить, — старательно перечисляла я. — Ещё за детками малыми ухаживать, за лежачими больными, за животными, первую помощь оказывать...

— Кому? Животным? — удивился он.

— Нет, людям, — смутилась я. — Хотя... Если понадобится, смогу и животным. Наверное... А что, у вас есть кто-то? Собака, да? Или кошка?

— Мышка.

Я завизжала, перепрыгнула со стула на стол и

уселась в самом центре, поджав под себя ноги.

Хозяин поморщился:

— Чего орёшь, дура? Пошутил я.

Я обиделась:

— И вовсе я не дура. У меня отличные оценки по всем предметам: и по выпечке, и по оказанию первой помощи, и по уходу за животными. А шутить так больше не надо, потому что мышей я боюсь.

— А хомячков?

— Что — хомячков? — не поняла я.

— Хомячков, спрашиваю, боишься?

— Нет, — пожалала я плечами. — Чего их бояться? Они же в клетке сидят. И хорошенькие такие, особенно когда маленькие!

— Не понимаю я вас, баб, — развёл он руками. — Хомячков вы не боитесь. Кроликов тоже. Но ведь и хомяки, и кролики, и милые рыжие белочки — такие же грызуны, как мыши и крысы.

— Ага, точно, — закивала я, — белочка и крыса — совсем одно и то же... Как скажете хозяин, вам виднее!

— Ну хватит дурачиться, — хлопнул он в ладоши. — Слезай со стола и давай знакомиться. Я — Игнат. Можно на «ты». А ты, стало быть, Анна. В быту мне как тебя называть? Аней?

— Да как угодно. В смысле — как вам, хозяин, будет угодно. Хоть Ваней...

— Смешно, — кивнул он. — А ты к какому имени больше привыкла? Мама как тебя называет — Аннушка? Анюта?

— Мама моя умерла давным-давно. Бабушка меня вырастила. Но она тоже умерла.

— Так ты что, одна-одинёшенька на белом свете? — поднял он брови.

— Почему одна... Брат у меня есть. Родной. Он зовёт меня Нюркой, если вам это так интересно...

— Нет, вариант «Нюрка» мне не нравится. Попахивает деревней позапрошлого века.

— Так мы и есть деревенские, — пожала я плечом. — И я, и братец мой бестолковый.

— А он чем занимается? В колхозе работает?

— Нет сейчас колхозов. Распустили их давно.

А брат мой тоже в городе в основном обретается.

— А делает чего?

— Да богатым людям прислуживает.

— Понятно... Династия домашней прислуги, да?

— Угу, — кивнула я. — С того и кормимся...

— Ладно, Анюта. Давай решим главный вопрос. Ты где жить будешь — дома или здесь?

— А вам как лучше?

— Мне бы лучше, чтобы ты здесь жила. Как говорится, живой замок в доме...

— Ну, и мне так лучше. Потому что каждый

день туда-сюда электричками мотаться затруднительно. Опаздывать буду, вам не понравится... Покажите мне мою комнату, я перевезу сюда одежду.

— Я сейчас покажу тебе дом, а ты сама решай, где тебе жить сподручнее.

Он повёл меня на экскурсию.

Из холла шла лестница на второй этаж и сюда же выходили двери комнат первого этажа. Левая дверь вела в кухню. Правая, арочная, была приоткрыта и за ней угадывалась гостиная. Так и оказалось. Средняя дверь была плотно прикрыта.

— А там что? — спросила я.

— Всё сразу. И каминный зал, и библиотека, и кабинет.

Он открыл среднюю дверь. Я с любопытством заглянула внутрь. Думала, увижу стеллажи до потолка, книги, книги, книги... Оказалось — ничего подобного. Нет, один-то шкаф с книгами там был. И камин тоже. Но центральное место занимал письменный стол с миллионом ящиков. Рядом на приставке стоял компьютер с плоским экранчиком. И ещё один компьютер, ноутбук, лежал почему-то в кресле.

— Это и есть библиотека?.. — разочарованно протянула я. — А где же тысячи книг?

— Да уж... Деревня — она и есть деревня... Аня, сейчас книги выпускают в электронном виде!

— Тогда где же компакт-диски? — блеснула я эрудицией.

— И это тоже — лишнее. У нас у всех теперь есть одна библиотека общего пользования. Называется Интернет. Там всё лежит. Бери, что надо, и пользуйся на здоровье.

— Ясно. А зачем вам в доме «живой замок»? Книг нет. Ценности и деньги, поди, в банке храните. Что же у вас брать? Одно расстройство для воров...

— Говори мне «ты», ладно? А брать у меня и впрямь нечего. Кроме меня самого разве что...

Я засмеялась:

— Да кому ты нужен, счастье лохматое... Это невест воруют. А про женихов я такого обычая не знаю.

— ... и ещё много чего не знаешь, — подхватил он. — Я должен ввести тебя в курс дела. Ты послушай, а потом решай, хочешь ты здесь работать или нет.

Он присел на краешек письменного стола, а мне подбородком указал на кресло.

Я ринулась было туда, но остановилась:

— Там же этот... Ноутбук...

— А, брось его куда-нибудь!

Я переложила «Самсунг» на приставку, поближе к стационарному компьютеру, уселась в кресло и всем своим видом изобразила готовность

слушать.

— Так вот, милая Анна, я приехал в ваш городок недавно...

— Ничего себе «городок»! — возмутилась я. — Мы, между прочим, областной центр! И жителей у нас почти что миллион!

— И воспитания тебе явно недостаёт. Перебивать невежливо. Я приехал сюда из столицы, так что мне ваш областной центр...

— ... ерундой кажется, — закончила я его мысль. — А чего ехал? Жил бы себе в своей любимой столице!

— В том-то и дело, что там в последнее время жизни мне не было. Ну, это не твоего ума дело. Я приехал сюда, стал налаживать бизнес здесь. Но, видимо, сильно кому-то помешал. И покушались на мою жизнь драгоценную, и слежку за собой всё время ощущаю, прямо спина чешется, так её кто-то взглядом сверлит...

— Валерьянки попей.

— Чего-о?.. — оторопел Игнат.

— У нас знахарка есть, бабушка Марфа. Она людей от сглаза лечит, от порчи, прочих напастей... А таких, как ты, которым мерещится что-то, она на раз вылечивает. Плёвое дело! Она им корень валерианы отваривает и пить даёт. От этого вонь у ней в избе стоит такая — хоть и не дыши вовсе! Но людям помогает. А ты можешь валериановую

настойку в аптеке купить. Попьёшь валерьяночки, глядишь, и попустит...

— Надо говорить не «у ней», а «у неё», — машинально поправил он. — А ты, Анна, как я погляжу, больно много о себе понимаешь! Я что, совета у тебя спрашивал? Рецепт просил?

Я потупилась. И правда, не просил он у меня ничего такого. Чего с советами своими дурацкими лезу? Моё дело — порядок наводить да борщи варить, а не умничать. А ну как выгонит он меня, от дома откажет, что мне тогда делать?

— Дяденька, я больше не буду, не выгоняйте только... — жалобно заныла я.

Он горько вздохнул:

— А ты, оказывается, ещё и кривляка! Ладно, шагом марш на второй этаж, комнату себе выберешь.

Мы покинули неудобный кабинет и поднялись на второй этаж. Здесь было три двери. Средняя дверь была двустворчатая, распашная, а те, что по бокам, — обычные, одностворчатые.

— Эта, средняя, — хозяйская спальня, — пояснил Игнат. — Здесь я обитаю. А эти две задуманы либо как детские, либо как гостевые комнаты. Выбирай любую.

Я вошла в левую дверь, огляделась. Стандартный набор мебели: кровать, прикроватная тумбочка, встроенный шкаф, туалетный столик. И

ещё одна дверь в стене. Я открыла, заглянула. О радость! Здесь оказалась полноценная ванная комната! Правда, самой ванны не было, места хватило только для душевой кабины, но остальное сантехническое оборудование присутствовало в достаточном количестве и слепило глаза своей снежной белизной. В общем и целом комната мне понравилась.

Её зеркальным отражением оказалась комната напротив. И точно такой же туалетно-помывочный отсек.

— А где стиральная машина? В кухне её не было, здесь тоже не вижу. У тебя в спальне, что ли?

— Вот ещё! — фыркнул хозяин. — В прачечной.

— Так мне бельё в прачечную таскать? — ахнула я. — Или ты надеешься, что я вручную стирать буду? И не мечтай!

— Прачечная, Аня, — это специальное помещение внизу, в подвале, — вздохнул он. — Я покажу тебе потом. Ну, какую комнату выбираешь?

Я пожала плечами:

— Да что тут выбирать, они ж одинаковые! Ну, пусть будет эта, правая...

— Почему не левая?

— Так левая находится прямо над кухней, правильно?

Он кивнул.

— А я на кухне буду целый день толочься и в кухонное окошко видом заброшенного и всеми забытого пустыря любоваться. И в спальне мне тот же пейзаж созерцать, что ли? Пусть хоть спальное окно на другую сторону выходит. Всё-таки какое ни какое, а разнообразие...

— Разумно, — согласился Игнат.

Потом мы спустились в подвал. Он показал мне стиральную машину, объяснил, как та работает. Машина оказалась даже с сушкой, что понравилось мне чрезвычайно.

— Когда в первый раз запускать её будешь, меня позови, я ещё раз всё покажу.

Я высокомерно подняла бровь:

— Чай, не дура, сама разберусь. Мы на курсах и стиралки, и микроволновки, и пылесосы проходили.

— Ну, смотри, как знаешь. Только учти: сломаеть — за ремонт всё до копейки из зарплаты вычту!

Мы условились с Игнатом, что я съезжу домой за вещами и сегодня же поселюсь в особняке. А работать начну уже с завтрашнего дня.

Приехав домой, я обнаружила, что мой драгоценный братец валяется на диване и смотрит телевизор.

— Чего это ты не на работе? — напустилась я

на него.

— А зачем? — весело удивился Федька. — Ты ж работаешь!

— Вот-вот, привык на мне ездить... Туняедец! — ворчала я, запихивая вещи в огромную клетчатую сумку.

С такими сумками наши «челноки» курсируют между Турцией и Китаем. Мне в моей нынешней ситуации огромная сумка тоже очень пригодилась. Хотелось за один раз взять как можно больше вещей, чтобы уже как можно дольше не ездить сюда, в пригород.

— Вещи-то хоть довести сможешь? Лентяй...

— Помогу, если обзывать не будешь!

— Ладно, так и быть, не буду обзывать.

— Ладно, так и быть, допру твои вещи до вокзала. Но дальше уже — сама!

Федька протянул руку, схватил сумку, крикнул, как штангист, ставящий мировой рекорд, и потащил сумку к выходу. Я потащила следом.

Он честно довёз меня до города, оставил на вокзале и поехал назад. Мы с баулом загрузились в троллейбус и без всяких приключений доехали до моего нового жилища.

Это новое жилище я с удовольствием обживала весь вечер. Развесила в шкафу свои

нехитрые пожитки, в нижний отсек аккуратно выставила обувь, обе пары: белые босоножки и коричневые туфли, всесезонные. А в тапочки обулась сразу же.

Тапочки у меня новые, красивые. Я купила их специально для этой работы. Тащить сюда те тапки, в которых я всегда хожу дома, я не рискнула. От их вида у хозяина вполне мог приключиться инфаркт миокарда, и я бы осталась без места. А я ведь так настроилась на работу славную, на дела хорошие...

Правда, когда я в этих новых тапочках появилась на кухне, он чуть под стол не упал.

— Аня, душа моя, это что такое? — дрожащим голосом спросил он, глядя в упор на мои ноги, всунутые в медвежьи головы.

— Нравится? — улыбнулась я. — Мне давно такие хотелось, но в нашем посёлке это не очень принято. А тут случай подвернулся — городская работа, да и зарплату хорошую ты мне назначил. Так что я себе позволила... Здесь секрет один есть: если надавить на носик правому медвежонку, он рычит. А левый почему-то не рычит, сколько ни дави. Зато правый рычит так прикольно, вот смотри!

Я продемонстрировала, как рычит правый медвежонок и не рычит левый.

Мой работодатель только руками развёл — дескать, что тут скажешь...

На ужин Игнат разогрел в микроволновке замороженную пиццу. Я проинспектировала холодильник и спросила:

— Если я тебе на завтрак сделаю омлет с беконом, нормально будет?

— Годится, — кивнул он. — Не сказать, что завтрак свехоригинальный, но вполне сойдёт. Только мне надо позавтракать рано, где-то в семь утра, потому что в восемь я уже должен быть на другом конце города. Не простишь? Впрочем, я будильник поставлю.

В это время оконное стекло со звоном разлетелось на куски, впустив в кухню зелёную гранатку.

Гранатка шмякнулась на стол, прямо в пиццу, и угрожающе зашипела.

Игнат замер и даже как будто умер. А я схватила картонную коробку, в которой была пицца с гранатовой начинкой, и швырнула её в разбитое окно. На пустыре, куда выходила кухня, полыхнул небольшой взрыв.

Этот взрыв пробудил Игната. Он вышел из анабиоза и куда-то метнулся. Через секунду возвратился и сказал мне:

— Порядок. Через пару минут здесь будет милиция.

— Зачем? — удивилась я.

— Как это «зачем»? — удивился он в ответ.

Посидел, подумал и пробормотал:

— И в самом деле, зачем? Ну, наверное, чтобы найти злоумышленников.

— Здесь, у нас в доме? — снова удивилась я. — Здесь же, кроме нас, и нет никого. Тот, кто метнул бомбу с улицы, давным-давно убежал.

Милиция и в самом деле приехала очень быстро. Наряд в количестве двух человек забежал в дом. Менты быстренько пробежались по этажам, заглянули во все комнаты, углы и даже кастрюли.

Потом один из них, который, видимо, был за старшего, строго спросил Игната Михайловича:

— Господин Игнатов, вы ничего подозрительного не заметили?

Игнат только молча помотал головой.

— А вы, барышня, — обратился мент ко мне, — не заметили ничего странного, необычного?

— Как же не заметила? Ещё как заметила!

— Слушаю вас! — оживился милиционер.

— Ну как же... Окно разбилось, граната влетела... Мало, что ли?

— Нет, я говорю — странное что-то, необычное, — терпеливо повторил милиционер.

— А что, граната, влетевшая в пиццу, это разве обычное явление? И странно, согласитесь, что кто-то вообще додумался бросить в окно бомбу. Не война же!

Милиционер озадаченно почухал репу и

спросил Игната:

— А кто это?

— Домработница, — буркнул мой работодатель. — С сегодняшнего дня работает.

— А предъявите-ка мне ваши документики! — потребовал бдительный страж порядка.

Я сходила наверх, взяла из ящика тумбочки весь ворох своих бумаг и притащила их в кухню.

Мент очень внимательно изучил их и вернул мне:

— Вот что, уважаемая гражданка Ермолаева Анна Тихоновна! Вы попали на работу в дом, который с некоторых пор находится под нашим пристальным наблюдением. На гражданина Игнатову Игната Михайловича уже были нападения, пока, к счастью, без тяжёлых последствий. Так что будьте бдительны! Кстати, как вы не побоялись схватить гранату за секунду до взрыва? Вам же руки оторвать могло!

— Правда? — испугалась я. — Не знала я. Не подумала как-то... Если б знала, ни за что бы не стала её хватать и бросать! На месте бы оставила.

— А тогда бы вам обоим головы поотрывало, — подал голос второй милиционер.

Все разом притихли, призадумались. Вот и выбирай, что хочешь: без рук остаться — что за жизнь... А без головы и вовсе никакой жизни...

— Да уж, дилемма... — пробормотал Игнат. Милиционеры встали.

— Может, охрану вам прислать? — спросил старший.

— Спасибо, не надо.

— Ну, как хотите. Мы сейчас ещё тут в округе порыщем, да только вряд ли что нароем...

Они ушли, а я напустилась на хозяина:

— Чего ты от охраны отказался? Я же теперь ночью спать не смогу, мне везде бомбы мерещиться будут до самого утра! Звони в райотдел, вызывай охрану!

— Я уже подрядил одну охранную фирму беречь мой покой. Денег берут кучу, а результат — сама видишь!

Он схватил телефонную трубку и стал наяривать. Не сразу, правда, но абонент всё-таки отозвался.

Игнат заорал дурным голосом:

— Феликс, мать-перемать, где твоя охрана? За что я деньги плачу, а? Мне уже гранаты не просто в дом, а в тарелку с ужином забрасывают. Следующая, видимо, прямо в рот залетит, а ты и в ус не дуешь! Вот убьют меня, кто тебе деньги платить станет?! Что значит «поймали»? Кого поймали? А-а, ну... — сбавил он тон. — И кто? И что он? Да не надо мне его предъявлять! Ещё не хватало... Будут точно? Всю ночь? Ладно. Хорошо,

хорошо...

Распрощавшись с собеседником, он устало потёр лицо руками:

— Давай спать. Утро вечера мудренее.

— Боюсь. Я домой хочу. Мне дома никто в окна бомбы не швыряет.

— И здесь не будут. Охранное агентство начеку.

Я молча, но очень выразительно посмотрела на разбитое окно.

— Чего глядишь... Поймали охранники бомбиста. Ментам уже сдали. Да только толку от этого... Гранату бросил мальчишка лет двенадцати, к тому же — бомж. Когда его скрутили, он сказал, что дяденька в джинсах дал гранату и сказал, куда бросить. И отжалел мальцу за это десять долларов. Пацана-то взяли, да какой от него прок? А дяденьку в джинсах хрен найдёшь...

— А кто такой этот Феликс?

— Глава охранного агентства. Феликс Арнольдович Штосс. Немчура, вроде бы из благородных. Истинный ариец, так его и разэтак... Но вроде охраняют честно, раз мальчишку-бомбометателя повязали!

Я возмутилась:

— Так сам же говоришь, толку от этого — чуть... Они должны были пресечь это, не допустить, чтобы бомба сюда залетела! А разве

нет?

— Конечно. Только Феликс говорит, что бомжата разные весь день по улицам шныряют. Кто ж знал, что этот гранату бросит...

Я шмыгнула носом и спросила:

— А ты много денег им заплатил? В смысле — долго они тебя охранять будут?

— Ну, сколько понадобится... А что?

— А то, что я бояться-то не перестала. Если тебя убьют, эти охранники продолжают меня охранять?

— Тебя? — засмеялся он. — Да кому ты нужна, сама подумай...

Потом до него, видимо всё-таки дошёл смысл сказанного. «Если тебя убьют»... Он как-то сразу поскучнел и буркнул:

— Хватить базарить. Спать пора. Завтра вставать рано.

— А окно? Его же закрыть чем-то надо!

— Закрывай. Ты теперь в доме хозяйка, вот и хозяйничай. А моё дело — оплачивать твою работу.

Он ушёл спать, а я призадумалась. Дыра образовалась большая, и закрыть её не так-то просто.

Что же придумать?

Я обошла все помещения первого этажа. В гостиной вообще ничего интересного не обнаружилось. В так называемом кабинете были

только книжки и два компьютера. Всё это не годилось. В прачечной рядом со стиралкой стояла большущая коробка стирального порошка. Но это по сравнению с обычными коробками она казалась огромной, а по сравнению с окном — так, мелочь.

На втором этаже и искать бесполезно. Нет там ничего подходящего, я же видела...

Я с тоской поглядела на лестницу, ведущую на второй этаж. И тут вдруг нашлось решение проблемы!

Вдоль всей лестницы были развешаны картины. Ну, не то чтобы картины, просто наброски — лошадиные головы, вековые деревья, какие-то неясные силуэты. Уж не знаю, то ли сам Игнатов такой тонкий ценитель живописи, то ли это дизайнерское решение, то ли просто от прежних хозяев осталось — не суть важно. Главное, наброски эти сделаны на плотном картоне, вставлены в прочные рамки и форму имеют подходящую: большие, вытянутые в длину.

Я сняла одну лошадь и потащила вниз, в кухню. Приладила к разбитому окну. Как тут и была!

Так, ладно. Дуть из окна не будет, и хорошо. А залезть никто не залезет. Игнат сказал — охранная контора Феликса Штосса начеку. Вот и замечательно!

Я выключила в кухне свет и со спокойной

душой пошла наверх. Приняла душ, улеглась в койку и решила ни о чём не беспокоиться и ничего не бояться. Что толку бояться? Слезами и дрожанием делу не помогу, только изведусь вся... Буду думать о хорошем.

Но ничего хорошего в голову не шло. А мысленно жевать события бурного вечера не хотелось. Лучше буду спать.

Ну спать — так спать. Сказано — сделано. На новом месте приснишь жених невесте...

Интерлюдия

Игнат

Игнат в это время лежал без сна в своей роскошной «хозяйской спальне». Мебель в спальне была дорогая, красного дерева, инкрустированная перламутром. Постельное бельё — из натурального шёлка. Лёгкий плед — из чистого мягчайшего кашемира. Всё вроде было, что называется, по высшему разряду, но настроение портила одна мелочь: Игнат не был уверен, что завтра утром проснётся здесь, в постели. Наутро он вполне мог обнаружить себя в райских кущах или вообще у чертей на сковородке.

Вот сегодня к ужину неизвестные «друзья» прислали ему гранату. Хорошо, хоть домработница оказалась не робкого десятка и в окно её

выбросила. А не то в рай или в ад можно было попасть уже сегодня...

Девушка эта странная, если не сказать больше. С одной стороны — вроде бы неглупая и даже с юмором. С другой стороны — дура душой. Ну как можно хватать шипящую гранату, которая вот-вот взорвётся?! Хотя, конечно, если бы она её не выбросила... Ладно, хватит о грустном.

Нет, всё-таки Аня эта очень смешная. Чего стоит одна только ленточка, пропущенная под волосами и завязанная на лбу кокетливым бантиком! Умереть — не встать... Нечто подобное барышни носили лет пятьдесят назад. Или сто. Видимо, в их деревне мода меняется не так быстро, как в остальном мире.

А эти аляповатые синтетические тапочки! Подумать только — медвежьей морды!..

А с другой стороны... Да, не интеллектуалка она. И далеко не красавица в общепризнанном смысле. Внешность у неё необычная, вызывающая неясную тревогу и мысли о других странах, других народах... И что из этого? Ведь он, когда заказывал себе домработницу, ничего не просил в смысле ума и красоты. Он же просил такую, которая домашнему ремеслу была бы обучена. Такую и прислали. К тому же жизнь спасла... Ну, может, не жизнь, но уж точно — здоровье...

Надо будет ей завтра «тревожную кнопку»

показать. И стекольщиков пусть вызовет обязательно.

Когда утром Игнат спустился к завтраку, я уже вовсю шуровала на кухне. Напекла оладушков, сделала творожок с зелёным лучком и укропом, заварила душистый чай из смеси трав.

Обнаружив на столе такой шикарный завтрак, Игнат обалдел. Так и не собравшись с мыслями, брякнул первую же пришедшую на ум глупость:

— А где омлет?

— Сейчас будет. Я ждала, пока ты встанешь. Омлет нельзя готовить заранее — он осядет. А если ещё и остынет, так останется его только выбросить. Тебе сколько яиц — два, три, восемь?

— Нисколько, — подумав, сказал он. — Достаточно того, что уже есть на столе.

— Да ты не волнуйся, я за полминуты сейчас омлет сделаю!

— Не надо. Мне уже надоели омлеты и яичницы. Хочу нормальной еды.

Я налила чай в большую чашку с надписью «Босс» (такие продают в подземных переходах), поставила перед ним блюдо с оладьями, розеточки со сметаной, мёдом, джемом.

— А ты молодец, запасливый хозяин! — похвалила я его. — Всё, что надо, у тебя в запасе есть. Дом — полная чаша. И кухня так

оборудована... Стряпать здесь — одно удовольствие.

Сначала он навернул полную тарелку творога с зеленью. Попросил было добавки, да я объяснила, что больше нет. Тогда он принялся за чай с оладьями. Подмёл подчистую всё: и сметану, и мёд, и джем. Вот ведь оголодал человек! Да и понервничал вечером так, как не дай бог никому...

— Игнат, куда мне позвонить насчёт разбитого окна? Ты имеешь дело с какой-то конкретной фирмой?

— Пока что с этими фирмами я никаких дел не имел, — промычал он с набитым ртом, — но теперь, видимо, придётся часто к ним обращаться. Ты полистай газеты с объявлениями, выбери там что-нибудь и созвонись. Только пусть сегодня же всё сделают! Без разницы, сколько это будет стоить. Деньги я тебе оставляю.

— Ладно, — кивнула я. — А если опять что-нибудь случится, мне куда звонить — в милицию или тебе?

Он спохватился:

— Да, чуть не забыл! У меня в прихожей есть «тревожная кнопка». Нажимаешь, и милиция через две минуты уже здесь!

Он повёл меня в прихожую, показал кнопку. Потом дал свою визитку:

— Здесь все мои телефоны. Но если что

случится, лучше сразу звони на мобильный. В офисе меня можешь не застать, а сотовый всегда при мне. Усекла?

— Усекла.

Сбегав в кабинет, я порыскала на просторах необъятного письменного стола, нашла карандаш, вернулась в кухню, открыла навесной шкафчик и на внутреннюю сторону дверки стала старательно переписывать телефоны.

Игнат Михайлович несколько секунд озадаченно смотрел на меня, потом несмело подал голос:

— А что это ты делаешь?..

— Телефоны твои себе переписываю, — ответила я, продолжая трудиться.

— Зачем это? Я же тебе карточку визитную дал, там всё это есть.

— Есть, — согласилась я, — пока сама карточка есть. А ну как потеряется, а ты мне срочно понадобишься, тогда что? А шкафчик вряд ли потеряется.

Он подумал и согласился:

— Да, вполне разумно. А запоминать телефоны ты не пробовала?

— Бесполезно. Тут же несколько номеров, да в каждом — по семь цифр, а в мобильном и вовсе одиннадцать, да все такие разные... Разве упомнишь?

Закончив переписывать, я закрыла дверцу, а визитку спрятала в кармашек передника.

Пожав плечами, он отбыл на работу, а я убрала кухню и села на телефон.

Газеты листать я не стала, потому что знала, кому звонить. Андрюше я позвонила, своему хорошему знакомому, мастеру на все руки. Объяснила ситуацию, сказала, что надо всё сделать быстро. Андрей велел мне измерить окно и продиктовать эти размеры ему. Я так и сделала. К счастью, окно оказалось стандартным, и они с напарником уже через час были в доме, вставляли стеклопакет.

Когда работа была закончена, я позвонила своему работодателю на сотовый:

— Добрый день, это я, Аня.

— Какая ещё Аня? — не сразу сообразил он.

— Домработница.

Он даже дыхание затаил:

— Опять что-то случилось?..

— Мастера были, стеклопакет заменили, ушли уже. Я хотела тебе кое-что показать. И спросить хотела. Ты обедать приедешь? Готовить что-то сейчас? Или только к вечеру?

— К вечеру, Аня. Сейчас я весь в пурге, какой там обед... А к вечеру, будь любезна, приготовь что-нибудь попримечнее. Я приду домой с приятелем. Нам поговорить надо без посторонних

ушей.

— Конечно, хозяин! Всё будет как надо.

С приятелем, значит... Это интересно! Только дай бог, чтобы приятель этот не оказался томной девушкой, которая здесь и заночует. А то я буду себя чувствовать весьма неловко. Но будем надеяться, что гостем будет всё-таки мужчина.

Денег у меня осталось ещё много, я сходила в ближайший магазин и купила всё необходимое для «скромного ужина с приятелем».

Вернувшись, я поставила дрожжевое тесто и пошла по дому с ревизией. Быстро убрала постели, собрала хозяйские носки-футболки, забросила их в стиральную машину, выбрала программу стирки и сушки, включила. Ну, машина работой обеспечена часа на три.

Обмяла тесто, дала ему ещё подойти. Приготовила мясной фарш. Вымыла микроволновку и газовую плиту. Разобралась, как работает духовка, налепила крошечных расстегайчиков и поставила в печь. Не зря же я хвасталась, что по выпечке была лучшей на курсах! Пришла пора делом доказать это.

Пока пеклись расстегаи, я сварганила суп-крем из спаржи и брокколи. Теперь это просто, теперь всё есть в продаже, не то что в моём голодном детстве...

До вечера я ещё успела выгрузить бельё из

машины, рассортировать его, погладить и сложить в хозяйский шкаф.

Позвонил Игнат:

— Ужин готов?

— Да, можно ехать. Вас двое?

— Двое. Минут через двадцать будем.

— Очень хорошо. Всё будет уже на столе. Не опаздывайте, а то остынет!

Я сделала греческий салат — свежие овощи с чёрными маслинами и брынзой. Задумалась: ужин с приятелем предполагает наличие спиртного или нет? Не поставлю рюмки — выругают. А вдруг поставлю, а они ничего такого пить не собирались? Конфуз может выйти...

Я на всякий случай надраила до блеска и водочные рюмки, и винные бокалы, но пока что припрятала их в шкафчик, чтобы под рукой были.

А тут и хозяин с гостем пожаловали.

Гость мне понравился. Невысокий, русый, кудрявый и улыбчивый.

— Вы похожи на поэта Сергея Есенина, — сделала я ему комплимент.

— Правда? — обрадовался он. — А вы любите творчество Сергея Есенина?

— И творчество люблю, и портрет его мне очень нравится. Тот, где он с курительной трубкой. Проходите, мойте руки и — к столу. Сейчас суп подам.

Хорошо, что фужеры не поставила. Они и не собирались пить спиртное. Игнат достал из холодильника пакет мультивитаминного сока. Я быстренько метнула на стол стаканы.

Когда они увидели, какой ужин их ждёт, враз дара речи лишились. Оба.

— Балуешь ты меня, дружище, — расплылся в улыбке «Есенин». — Где ужин заказывал?

Тут хозяин мой очнулся и поднял брови:

— Анюта, ты ужин в ресторане заказывала?

— Никак нет, сама приготовила, — пожалала я плечами. — Чай, не безрукая! Да ничего особенного, что тут готовить... Суп-крем из спаржи и брокколи, расстегаи по старинному рецепту, салат по-гречески... На десерт будет мусс из свежих ягод. Малиновый. Сейчас как раз сезон.

Подобрав руками отвалившиеся было челюсти, мужчины сели за стол.

Я разлила по тарелкам суп и, обращаясь к гостю, сказала:

— Уважаемый Сергей Есенин, надеюсь, моя стряпня вам понравится.

Игнат поперхнулся супом, покраснел и забормотал:

— Я, кажется, забыл вас познакомить... Это, Аня, товарищ мой школьный. Его и правда зовут Сергеем, но по фамилии он Терещенко. А это, Серёга, домохозяйка моя, Анюта.

Серёга изобразил вежливый кивок:

— Да, я уже это понял. Очень приятно познакомиться.

— Лучше начинайте знакомиться с моим кулинарным талантом. Для меня самое приятное — когда гостям угощение нравится.

Только уселись — звонок в дверь. Я помчалась открывать. На пороге стояло небритое мурло с недобрый взглядом.

— Вам кого? — пролепетала я.

— Игната позови.

— Игнат Михайлович, к вам! — крикнула я в сторону кухни.

Но друзья так увлеклись обедом, что не услышали меня. Я не знала, что делать: звать хозяина отсюда — бесполезно, не услышит; оставить небритого здесь и побежать в кухню — боязно. Вдруг этот человек с плохими намерениями явился? А захлопнуть дверь перед его носом — правила приличия не велят.

И что же мне теперь делать?

Посетитель сам решил вопрос. Он отодвинул меня с дороги и пошёл в кухню. Я обомлела: что-то будет?..

Но Сергей с Игнатом встретили его радостно. Ну, или почти радостно.

— О-о, Кирюха пришёл, смотри-ка! Хвалишь нас, видать, раз к обеду попал! — радостно кричал

Сергей.

— Проходи, Кирилл, мы только-только сели обедать, — вторил ему Игнат.

— Игнатушка, а что это за чувырла мне дверь открыла?

— Это домработница моя, Аня. Вот, кстати, и она. Анечка, хватит обеда на троих?

— Даже на пятерых. Сейчас накрою.

Я бросила на стол ложку-вилку, схватила тарелку, налила суп из кастрюльки на плите, понесла его к столу. И совсем уж было собралась поставить тарелку на стол перед новым гостем, да вот незадача: запнулась, рука дрогнула, и весь суп вылился на очень приличный костюм этого Кирилла.

Он сначала даже ничего не понял. А когда понял, заорал так, что даже Серёга с Игнатом притихли. А я так и вовсе голову руками закрыла.

Кирилл стоял посреди кухни и самозабвенно кричал, не выбирая выражений, а нежный овощной супчик тем временем грустно стекал с его штанов на кафельный пол. Я схватила кухонное полотенце, стала промокать его намокшую одежду, тихонько бормоча: «Простите, простите, ради бога, не со зла, нечаянно вышло...»

Он грубо оттолкнул мою руку с полотенцем и обернулся к стонущему от смеха Сергею:

— Ну, и как я теперь домой пойду?

Сергей только развёл руками и залился пуще прежнего, а Игнат сказал:

— Не переживай, я тебе сейчас что-нибудь из своего гардероба подберу, а костюм твой Аня завтра в химчистку снесёт, будет как новенький. Да, Анечка?

Я с готовностью закивала так энергично, что по кухне от этого даже ветерок прошёл.

— Нет! — снова заорал этот ненормальный Кирилл. — Никаких Анечек! Ещё не хватало... Ты эту свою Квазимоду даже близко ко мне не подпускай, договорились? И сейчас убери её с глаз долой!

Игнат кивнул мне. Я всё поняла и вышла из кухни, по пути сдвинув стул Кирилла назад. Немного, где-то на вершок.

Когда я из кухни вышла, он успокоился и вознамерился сесть на место. Но место-то уехало, а он не знал! Ну, и сел мимо стула. Серёга с Игнатом грохнули в два голоса, Кирилл затрубил раненым мамонтом, а я удовлетворённо трянула кудряшками и ушла наверх, в свою комнату. Села у окошка и стала глядеть вдаль, на линию горизонта. Говорят, так глаза отдыхают.

За дверью послышался топот. Это Игнат проследовал в свою комнату. Через пару минут вышел оттуда и заглянул ко мне. В руках он держал спортивные штаны.

— Сидишь?

— Сижу.

— Грустишь?

— Грущу.

— Ладно, сиди здесь, не высовывайся, а то Кира под горячую руку и зашибить может. Слушай, а чего ты так на него взъелась? Столько урону нанесла...

— А не будет «чувырлой» обзываться и «Квазимодой». От вас же, мужиков, никогда защиты не дождёшься. Но я с детства могу постоять за себя. Ты ему там поделикатнее намекни, чтобы не дразнил меня. А то суп на брюках и сесть мимо стулки — это так, детские шалости. Я ведь и по-настоящему проучить могу!

— Не «мимо стулки», а «мимо стула», — опять машинально поправил он. — Ну, честно сказать, я Кирюху и сам недолюбиваю, но поощрять твои военные действия не намерен. Хватит нам бандитов за стенами дома... Давай хоть здесь воевать не будем, ладно? Кстати, за обед спасибо. Всё очень вкусно!

Он побежал вниз.

— Мусс возьми в холодильнике! — крикнула я ему вдогонку.

Через минуту после этого я приоткрыла свою дверь, прислушалась: криков внизу уже не было, только ровный гул мужских голосов.

Я босиком, на цыпочках спустилась почти до конца лестницы и присела на ступеньку. Может, им что-то ещё понадобится, так чтобы меня хозяин долго не искал. Про мусс я ему напомнила, но вдруг моя помощь потребуется...

Дверь в кухню была приоткрыта, там горел свет. А у меня на лестнице было темно и тихо. Я из своей темноты их видела хорошо, а слышала ещё лучше. Они же меня не видели совсем. И уж тем более не слышали.

Кирилл уже переоделся в спортивные штаны Игната и спокойно хлебал суп, заедая его пирожками. Вдруг, не донеся ложку до рта, он перестал есть и с тревогой спросил:

— А куда подевалось это чудо в тапках?

— На втором этаже, — успокоил его Игнат. — Сидит в своей комнате и дрожит. Нагоняя боится.

— Во-во, пусть боится. И на глаза мне пускай больше не попадается!

— Кстати, всю эту вкуснотищу она приготовила. Так что пользы от неё куда больше, чем вреда.

— Это кому как, — сварливо отозвался небритый Кирилл. — Тебе, конечно, сплошная польза. А мне, горемыке, от неё вред один!

— Ой, мужики, слушайте сюда, чего расскажу! — спохватился мой хозяин. — Девушку эту впору представлять к правительственной

награде!

И он во всех подробностях рассказал о вчерашнем происшествии. Как окно разбилось, граната влетела, прямо в пиццу угодила. И как я по бестолковости и неопытности схватила гранату и вместе с пиццей в окно выбросила.

— Э, братец, так тебе повезло вдвойне! — позавидовал Серёга. — Не только хозяйку в дом заполучил, а ещё и ангела-хранителя. Теперь есть кому тебя от снарядов спасти.

— Это вряд ли, — сокрушённо вздохнул мой работодатель. — Тут менты понабежали и объяснили ей, что гранату, готовую вот-вот взорваться, руками лучше не трогать, потому как можно без этих самых рук остаться. Она, оказывается, не знала этого. Думаю, Анька даже не поняла сначала, что это было. Подумала, что камень с улицы влетел и пиццу нам испортил. От злости выбросила это в окно, а «камень» взорвался. Но менты уже её просветили, она теперь тоже умная и больше рисковать своими драгоценными руками не собирается.

Потом разговор у них пошёл чисто деловой. То, что дверь в кухню была открыта, им совершенно не мешало. Никому из них в голову не пришло, что их могут подслушать. А кого им стесняться? «Чувырла в тапках» сидит в своей комнате и боится нос высунуть, а больше в доме

никого нет.

Впрочем, никакие военные тайны за столом не обсуждались. Разговор шёл на сугубо строительные и чиновничьи темы: количество коттеджей, стоимость кирпича и леса, сколько подписей уже собрано, сколько ещё осталось собрать, какую взятку кому занести... В общем, обычный трёп бизнесовых пацанов.

Я всё переживала, не забудет ли Игнат достать мусс. Зря я, что ли, старалась?

Но он не забыл. Он всё-таки поставил лакомство на стол. Гости увидели и одобрительно загудели. А попробовав, даже заплодировали. Я встала и на тёмной лестнице сделала книксен в ответ на аплодисменты. Жалко, никто этого не видел. Теперь я точно знаю, что чувствовала Золушка до встречи с принцем. Она ведь точно так же сидела в темноте, всеми позабытая, пока другие наслаждались плодами её труда.

Ой, я, кажется, сейчас заплачу...

Наговорившись вдоволь о делах, мальчики решили, что неплохо было бы развлечься. Больше всех эта мысль воодушевила Игната. Он сказал друзьям, что после вчерашней нервной встряски сегодня ему просто обязательно надо развеяться. И вызвался везти всех на своей машине.

Серёге эта идея тоже понравилась чрезвычайно. Только Кирилл стал отнекиваться и

ссылаться на головную боль и на то, что ему завтра рано вставать. Потом вспомнил о главном: костюм же испорчен, а в чужих трениках в приличное место не поедешь же...

Игнат, похоже, настаивать не собирался. Он вообще разговаривал с Кириллом весьма сдержанно. Но Серёга сказал Кириллу, что тот может по дороге заехать домой и переодеться.

Кирилл продолжал сомневаться и терзаться. Чувствовалось, что ему совсем не хочется сегодня ночных развлечений. Однако отбиваться от компании тоже не хочется.

В конце концов победила дружба. В том смысле, что Кирилл решил не отставать от друзей и тоже поехать на увеселительную прогулку по ночным клубам.

Мужчины стали вылезать из-за стола, громыхая стульями по кафельному полу. Я ласточкой взмыла вверх и снова притаилась в своей комнате.

Игнат подошёл к лестнице, задрал голову и крикнул вверх:

— Анята, мы уходим. На всю ночь.

— Дверь за вами закрыть? — отозвалась я из своей комнаты. — Сейчас спущусь.

— Нет, на засов не запирайся. Только на замки. Ключи возьму с собой. Если приду под утро, чтобы не пришлось тебя будить.

Я нехотя стала спускаться, тормозя на каждой ступеньке. Мужики втроём топтались у входной двери, поджидая меня. Пару раз я правой тапочкой, прямо медвежьим носиком, наткнулась на штырьки, поддерживающие перила. И оба раза медвежонок послушно рыкнул. Кирилл от этого звука дёрнулся, как будто наступил на провод, Игнат вздохнул и смущённо улыбнулся приятелям, а Серёга подмигнул мне и галантно изогнулся, выставив вперёд ножку:

— Мадемуазель, целую ваши золотые ручки. Ужин был выше всяких похвал, а десерт — ну просто бомба!

При слове «бомба» Игнат заметно скис, а Серёга, не понявший своей бестактности, послал мне воздушный поцелуйчик.

Я вяло махнула рукой в ответ и осталась стоять на последней ступеньке, не чувствуя желаний подходить к ним слишком близко:

— Идите, я закрою.

Мальчики гурьбой высыпали на крыльцо, оживлённо переговариваясь. Они уже предвкушали предстоящий ночной разгул.

Но — не судилось. Им даже в машину сесть не удалось, потому что машина взорвалась.

Взорвалась, когда Игнат нажал кнопку на брелочке, чтобы снять автомобиль с сигнализации.

Мужики разом бросились на землю и залегли.

А я только и успела, что рот открыть. Рот-то я открыла просто от удивления и неожиданности, но память тут же услужливо подсунула мне информацию, что именно так и надо поступать в момент взрыва, чтобы взрывной волной не порвало в ушах барабанные перепонки.

Правда, потом я сообразила, что моим драгоценным барабанным перепонкам ничего не грозило, потому что взорвалась всё-таки не авиабомба и не снаряд «катушка». И урону этот взрыв принёс не очень много. Все остались живы и даже здоровы. Конечно, серебристую «шкоду» сильно покорёжило. И в округе разом завывли все автомобили, стоявшие на сигнализации. И ещё окна у нас в доме повывлетали.

Мужики лежали на земле плашмя, закрывая руками свои бестолковые головы, а я стояла в прихожей и с грустью смотрела, как осыпаются остатки стёкол из наших окон.

Два вечера — два взрыва. Что там Голливуд с его блокбастерами!.. Опять завтра надо звонить Андрюше. Если дела у нас будут продолжаться в том же духе, так Андрей очень быстро разбогатеет, а его фирма вообще озолотится.

Пока я размышляла, а Игнат и его гости находились в прострации, к дому свернул раздолбанный «жигулёнок» цвета детской неожиданности, оттуда выскочил дяденька

неопределённого возраста, достал компактный огнетушитель и быстро сбил со «шкоды» несильное пламя.

— Чего стоишь, рот раззявила! — прикрикнул он на меня. — Звони давай в милицию, это же настоящий теракт!

Игната со товарищи он просто не заметил.

Я метнулась к «тревожной кнопке». Моя милиция меня бережёт, как же... Ну, если уж они убересть нас не в силах, так пусть хоть теперь приедут, полюбуются. Какое-никакое, а всё же развлечение...

Три товарища в конце концов вышли из столбняка, ожили, стали подниматься и отряхиваться.

Кирилл, который и так злился весь вечер, теперь совсем озверел и чуть не разорвал несчастного Сергея:

— Ты ещё со своими шуточками!.. «Ваш десерт — просто бомба!» Вот и накаркал! Ты что, не знаешь, что в доме повешенного не говорят о верёвке...

— Я что? Я ничего... — оправдывался тот, заикаясь. — Кто ж знал, что в этом доме традиция такая: ни дня без взрыва...

Игнат переводил взгляд с пострадавшего дома на сгоревшую машину. Потом, налюбовавшись, произнёс речитативом, почти спел:

— Нас бомбили в сорок первом...

Я решительно заявила:

— Всё, хозяин, я увольняюсь! Не знаю, что вокруг вас происходит и почему, но в любом случае мне это не нравится. Я ещё молодая, мне ещё жить и жить, а работа здесь, я так понимаю, с жизнью несовместима. Так что всего хорошего! Искренне желаю вам счастливо прожить оставшиеся вам дни или часы.

Игнат задумчиво посмотрел на меня, потом сел на ступеньку крыльца и спокойно сказал:

— Что ж, Аня, понять тебя я могу, а вот удерживать не могу. Не имею морального права. Даже наоборот, настоятельно рекомендую тебе сегодня же вернуться к себе домой. Такси тебе вызвать?

Такая человечность тронула меня до глубины души. Я тоже опустилась на крыльцо и задумалась.

А поразмыслив, сказала:

— Ну, жизнь здесь, конечно, опаснее, чем на пороховом складе, это факт. — Он молча кивнул. — А с другой стороны... Волков бояться — в лес не ходить! Я, конечно, не хочу погибнуть во цвете лет. Но и назад в посёлок возвращаться тоже не хочу. Что мне там делать? На брата-бездельника любоваться? К тому же я так надеялась здесь, в городе, в люди выбиться...

— Ага, точно, с метлой в руках, — подпрыгя

Кирилл. — Вот на ней и стартанёшь!

Мы с Игнатом никак не отреагировали на колкость, даже не повернулись в его сторону. Так и просидели молча до самого прибытия милиции.

Наряд сегодня был уже другой, но проку от него было так же мало, как и от вчерашнего. Они походили вокруг изуродованной машины, попрашивали свидетелей. Поскольку дядька с огнетушителем давно уехал, то других свидетелей, кроме нас четверых, не оказалось. Справедливости ради надо сказать, что поодаль уже толпились люди, но они прибежали после взрыва, снедаемые любопытством, и прояснить ничего не могли. От них не приходилось ждать никакой достоверной информации. Наоборот, они сами жаждали её получить.

Правда, и мы тоже помочь милиции не могли ничем. Всё получилось, как в старом кино: поскользнулся, упал, очнулся — гипс. Примерно так же обрисовал ситуацию Игнат: вышел на крыльцо, нажал кнопку, услышал взрыв, упал на землю. Когда очнулся — машина уже догорала. Вот, собственно и все сведения.

Потом Сергею и Кириллу милиционеры разрешили разъехаться по домам. Мы с Игнатом вошли в дом, и он снова стал названивать Феликсу.

Сначала, как обычно, орал и бился в конвульсиях. Потом выслушал ответ, успокоился и

сказал: «Хорошо». И дал отбой.

Мне же объяснил:

— Дядька на «Жигулях», который с огнетушителем, — человек Феликса. Он из наружного наблюдения, как раз было его дежурство.

— А кто взрывчатку ставил, он видел?

— Разбираются сейчас. Но на ночь охрану усилят, потому что окна выбиты. Ты уезжаешь или остаёшься?

— Сказала же — остаюсь! Сто раз повторять, что ли?

— Ну, тогда спать пора. Надо силы восстанавливать.

— Погоди, что я тебе показать хотела... Вот, в банку с крупой спрятала, чтоб не потерять. Выбросить хотела, потом решила у тебя спросить. Вдруг вещь нужная...

Я достала из банки с пшеном маленькую беленькую штучку и показала Игнату.

Он осторожно взял вещицу с моей ладони, рассмотрел её со всех сторон.

— Где ты её взяла?

— Здесь, в кухне. Она была снизу к подоконнику прицеплена. Собственно, это не я нашла, а ребята, которые окно меняли.

— Ты знаешь, что это? — спросил Игнат, сузив глаза.

— Нет, — испугалась я. — Неужто тоже взрывчатка? Ой, мама!.. — прокричала я шёпотом.

— Нет, Аня, это не взрывчатка. Это мина замедленного действия.

— А-а-а!!!

Обхватив голову руками, я метеором вылетела из кухни и помчалась наверх. Залетела к себе в комнату, бросилась на кровать и зарылась в подушки.

Работодатель мой пришёл следом, сел на стул у трюмо и сказал:

— Отбой тревоги! Это не настоящая мина. Я образно сказал.

Я осторожно высунулась из-под подушки:

— А что это? Камуфляж? Или, как его... Муляж?

— Нет. Это, сдаётся мне, подслушивающее устройство. Просто микрофончик. Он не взрывается. Он просто помогает моим врагам контролировать меня.

Он снова сел на телефон — вызванивать Феликса. Рассказал ему о находке. А закончив разговор, улыбнулся мне:

— Порядок. Завтра Феликс придёт со специальным оборудованием и проверит весь дом на наличие «жучков». Хорошо, что ты не выбросила эту штучку в мусор. Тебе за бдительность премия полагается. Хочешь, в

ресторан тебя свожу? Или тебе лучше деньгами отдать?

— Деньгами, — буркнула я. — Сами же с Серёгой сказали, что моя еда в сто раз лучше ресторанной, так чего туда идти? Лучше я себе тапки новые справлю, тихие, а то эти рыкалки меня уже достали!

— Тебе же они так нравились! — удивился Игнат.

— Ну, друзья твои дразнятся, а я этого не люблю...

— Вот ещё! На дураков всяких внимание обращать...

— Ты ещё скажи, что это они от зависти, — засмеялась я. — Так я им обоим по паре таких же тапок куплю. На премию.

— Нет, не от зависти, конечно. Просто я не очень люблю Кирюху, и он платит мне той же монетой. Меня кусать боится, так на тебе отыгрался... Говорю же — выбрось из головы! А рыкалку я тебе завтра из тапка уберу. Раскручу носик и выброшу рычалку. Да чего там завтра, давай сегодня!

Он в самом деле растребушил медвежий нос, вытащил рычалку, вернул нос на место и сказал:

— Вот и всё. Носи на здоровье.

И ушёл спать.

Правда, через минуту вернулся и, просунув

голову в дверь, сказал:

— От взрыва и пожара не так спасаются. Чего тебя наверх понесло? Если бы рвануло, так тебя бы погребло под обломками дома. А если пожар бы начался, так пришлось бы тебе прыгать со второго этажа, ноги ломать. Или шею... Если боишься чего-то — беги на улицу. И отбегай от дома подальше. Усекла?

— Да, это я не подумала... Спасибо за науку. Запомню.

— На здоровье.

Он скрылся в своей комнате. А у меня сон пропал. Разве уснёшь, находясь в самом центре *таких* событий...

Завтра, пожалуй, стоит походить по окрестностям, познакомиться с соседями. Во-первых, сплетни разузнать, это всегда полезно. А во-вторых, надо же куда-то бежать в случае теракта, взрыва, нападения, появления НЛЮ и при прочих катаклизмах.

Бабушка мне всегда говорила: соседи, деточка, важнее родственников. Родственники могут жить далеко, могут тобой не интересоваться вовсе, да и самих родственников может не быть. А соседи — вот они, всегда рядом. И с бедой своей побежишь куда? Опять же — к ним, к соседям...

К тому же соседи могут оказаться людьми весьма наблюдательными. Может, у них найдётся

информация, способная пролить свет на все эти загадки с пиротехническими эффектами! А то пока Феликс со своими дядьками на «Жигулях»-раздолбайках почешется, пока повернётся, пока информацию соберёт, вполне может оказаться, что информация эта уже просто никому не будет нужна.

Во мне проснулся сыщицкий дух, и от этого даже кровать подо мной завибрировала. Я уже мысленно куда-то бежала, кого-то преследовала, что-то расследовала...

Долго бежала, долго расследовала, и прекратилась эта погоня только со звонком будильника.

Потягиваясь и позёвывая, я побрела в ванную комнату, приняла душ, окончательно пришла в чувство и только тогда вспомнила: у нас же стёкол внизу нет!

Хорошо, что наши с Игнатом спальни выходят на другую сторону, не то спать бы пришлось практически на улице, а мне это радости не доставляет. Я же не Маугли...

Я пулей слетела вниз и убедилась: да, окна за ночь целее не стали, но посторонних в доме, кажется, нет. Значит, Феликс держит слово...

Вздыхнув, я взяла веник и стала сметать осколки с подоконников и с пола. И опять на ум пришло сравнение с Золушкой. Та, бедняжка, тоже

трудилась, не покладая метлы, пока весь дом спал...

А злой Кирилл вчера советовал мне стартовать на этой метле в светлое будущее... Ну что с дурака возьмёшь?

Звонить оконных дел мастерам было ещё рано, поэтому я спокойно закончила уборку и задумалась: что на завтрак приготовить?

Вчерашние гости мусс съели весь и суп тоже выхлебали. Ну, что выхлебали, а что по брюкам размазали... Остались только расстегайчики, благо я напекла их целую кучу.

Собственно говоря, завтрак практически готов. Я к этим пирожкам просто сделаю чай или кофе, а больше ничего и не нужно. Какие уж разносолы в таких военно-полевых условиях...

Однако профессиональная гордость кулинарки-отличницы взяла верх. Я решила, что чай или кофе — это уж слишком банально, ну просто чересчур. И я решила сварить настоящее какао. Настоящее, а не какой-то там растворимый «Несквик»! Ведь есть же в холодильнике молоко — настоящее, а не порошковое. И какао я купила только вчера. И десять пакетиков ванильного сахара.

Когда запах какао с ванилью поплыл по дому, результат не заставил себя долго ждать. В кухне нарисовался мой работодатель в длинном махровом

халате.

— Что поднялся ни свет ни заря? — подколола я его, потому что на часах было уже почти девять.

— На запах пришёл, — честно ответил он.

— Умылся хотя бы, — упрекнула я, глядя, как он по-детски трёт глаза.

— Сейчас.

Он пошёл умываться, а я поставила блюдо с расстегаями в микроволновку. Ненадолго, буквально на одну минутку. Но эффект превзошёл все ожидания. Ощущение было такое, что они свежие, что называется — с пылу с жару.

— Надо же, ты новых пирожков напечь успела! — восхитился работодатель. — И когда ты всё успеваешь?

— Просто стараюсь как можно лучше выполнять свою работу, — скромно опустила я глазки. — Денег мне сегодня побольше оставь. Столько окон менять надо... Я сейчас вчерашнюю бригаду оконщиков вызову.

— Очень хорошо, — кивнул он. — Только я сегодня тоже дома останусь.

— А что так?

— Ну, Феликс же обещал подъехать со спецоборудованием, насчёт прослушки разобраться. Я же говорил тебе вчера, забыла?

— Забыла, — призналась я. — Это очень

хорошо, что ты будешь дома. Мне после всех этих событий в одиночестве было бы не по себе...

После завтрака он пошёл наверх одеваться, а я помыла посуду, вызвала по телефону Андриюшу и села чистить картошку к обеду. Картошки решила начистить побольше, потому что прикинула, что кормить мне предстоит целую кучу народу.

Сначала приехал Андриюша, привёз своих стекольщиков. Вчера они были только вдвоём, сегодня же прибыли уже вчетвером. Так ведь и объём работы не сравним со вчерашним...

Потом прибыл его величество Феликс, и с ним — щуплый быстроглазый паренёк с плоским чемоданчиком. Феликс, белокурый гигант, похожий на античного бога, удалился с хозяином в кабинет. Парнишку с чемоданчиком они прихватили с собой и плотно прикрыли дверь. Ой, подумаешь, конспираторы...

Я вернулась к своим кастрюлям. Итак, считаем: четверо стекольщиков, Феликс с парнишкой — уже шесть человек, плюс я, плюс Игнат... Всего выходит восемь душ. А если ещё кто-нибудь на огонёк заглянет... Да, правильно я сделала, что начистила полведра картошки. Теперь ещё осталось нарезать тазик салата...

Улучив минутку, я поманила пальцем Игната. Он вошёл в кухню, закрыл плотно дверь:
— Ну, чего тебе?

— А оборудование скоро привезут?

— Какое оборудование? — удивился он.

— Которым прослушку обнаруживать будут.

— Пацана с чемоданчиком видала? — Я кивнула. — Ну вот это и есть оборудование.

— В «дипломате»? — ахнула я. — Да что же там поместиться может?

— Всё, что надо, помещается. И прекрасно работает.

Я восхитилась:

— Надо же, до чего техника дошла! Так здорово! И удобно так...

— ... и денег стоит немерено! — закончил Игнат.

— Кстати, о деньгах! — спохватилась я. — Я же тут обед затеяла на всю ораву...

— Молодец, что догадалась, — одобрил хозяин.

— Так вот, а продуктов маловато. Я сейчас по-быстрому в магазин сбегая, докуплю, чего надо. Ты мне денежек-то отсыпь...

— Сколько надо? — полез он в задний карман за бумажником.

— А сколько не жалко. Я же тебе всё равно чек из магазина принесу, сам увидишь, что сколько стоит.

— Я не про то, Аня! Я просто не знаю, сколько нужно продуктов для такой толпы.

Он раскрыл бумажник, порылся в нём, потом сказал: «А!», закрыл бумажник и отдал его мне:

— Бери весь, там разберёшься.

Я отправилась в магазин. Спешить мне было некуда. Кушать людишки захотят только часа через два, а надо будет, так и три часа подождут, не умрут. Картошка у меня уже начищена, вариться ей всего-то полчаса. А я за эти полчаса успею настрогать тот самый пресловутый тазик салата.

В супермаркете, который был ближе всех к дому, я оторвалась по полной программе. Поскольку содержимое кухонных шкафчиков Игната уже не являлось для меня тайной, я точно знала, чего и сколько мне купить.

Сначала я как следует опустошила магазинные полочки со специями, потом перешла к продуктам менее возвышенным: хлеб, овощи, растительное масло, майонез. Одним словом, проза жизни. Тележка наполнилась если не под завязку, так уж по пояс — точно. Впрочем, пока выбранные товары были в тележке, они радовали мой хозяйский глаз, и сердце моё пело, а ноги почти плясали от радости: вот будет раздолье для моей фантазии!

Но когда, оплатив покупки на кассе, я переложила их в пакеты и поволокла к выходу, оптимизма у меня значительно поубавилось.

Правильно говорят знающие люди: дурной бабе сколько денег не дай, всё будет мало, и сколько сумок не дай, тоже будет мало.

С трудом дотащив полные пакеты до выхода, я остановилась на крыльце магазина, чтобы передохнуть. А с крыльца, которое насчитывало аж целых семь ступенек, молодая мать пыталась спустить коляску с младенцем. Одной рукой она, вцепившись в ручку коляски, маневрировала колёсами по ступенькам, а другой придерживала кружевной свёрточек, лежащий в коляске, чтобы тот во время маневров не ляпнулся на землю.

Отставив в сторону свои пакеты, я побежала к ней с криком:

— Подождите, я вам сейчас помогу!

Она остановилась и подождала. Я подбежала, схватила коляску сзади, а она спереди, за ручку, и так мы благополучно снесли её на землю.

Отдышавшись, она сказала:

— Спасибо вам большое. Вечно я с этими ступеньками так мучаюсь... Идут мимо толпы людей, и хоть бы кто-нибудь помощь предложил... Вы — первая. Спасибо!

— Что вы, не за что, — зарделась я, как маков цвет.

— Знаете что, давайте я вам помогу дотащить покупки до дому! — предложила вдруг она.

— Что вы, какая помощь! — испугалась я. —

У вас же коляска, руки заняты...

— Так я на коляске и отвезу! Здесь же для этого место есть специальное, — показала она вниз.

Там, внизу, между колёсами и впрямь была металлическая сетка с небольшим бортиком. Явно для того, чтобы сумки там возить.

— Вам в какую сторону? — спросила мамаша.

— Мне на улицу Стромынина, дом семнадцать.

— Ой, и мы живём на Стромынина, только в четырнадцатом доме, — обрадовалась девушка. — Это, получается, напротив вас, чуть наискосок.

Два моих пакета нам с ней удалось разместить под коляской, так что в руках я несла уже только один. Не спеша двинулись к дому.

— Меня зовут Аня, — представилась я. — А у вас кто — сын или дочка?

— Девочка у нас. Сашенька. Ей два месяца позавчера исполнилось. Только я ей не мама, а няня. Няня Маня. Марией меня зовут.

— А-а, так мы с тобой коллеги по цеху! — обрадовалась я. — Ты — няня, я — домработница. Ты давно у них работаешь?

— С рождения Сашеньки.

— А я — с позавчерашнего дня.

— Слушай, Аня, на вашей стороне улицы два дня подряд что-то всё время взрывается. Не у вас ли?

— У нас, — вздохнула я. — Представляешь, работу я себе подыскала... Хотела на второй же день уйти, да хозяина как-то жалко стало. Да и куда я пойду? Я курсы специальные закончила, чтобы в приличном доме работу найти, так наша фирма меня еле-еле сюда пристроила. Понимаю теперь, почему место незанятым оказалось. Мало, поди, желающих засыпать под взрывы и просыпаться под выстрелы...

— И не говори, — вздохнула Маня в ответ. — Такое время сейчас... Я сама хотела от места отказаться, да Сашурку жалко. Из-за неё осталась, хоть и страшно мне от взрывов.

— Слушай, а родители девочки не хотят дочку на лето куда-то на дачу вывезти? Где воздух посвежее и взрывов нет...

— Ох, «родители» — это громко сказано. Некогда им о ребёнке думать. Папа у Сашеньки — олигарх, мама — довольно известная модель. Точнее сказать — широко известная в узких кругах. Миру-то её имя пока ничего не говорит, но она надеется, что скоро слава её затмит славу Синди Кроуфорд и кого-то там ещё...

Так, за приятной беседой, мы — Аня, Маня и Саня — подошли к дому звёздной пары, где, собственно, и жила крошка в кружевных одежках.

— Приятно было познакомиться, — сказала Маня, вытаскивая мои пакеты из-под днища

детской коляски. — Заходи, когда время будет.

— Что ты, — удивилась я, принимая пакеты, — муж-олигарх и жена-модель вряд ли обрадуются такой гостье...

— А нет их дома никогда, — улыбнулась няня Маня. — Я день-деньской одна сижу с ребёнком, ты заходи, правда, хоть пообщаемся!

Забрав свои пакеты, я пошла к дому. Уже имело смысл поторопиться, потому что время близилось к обеду, а обеда у меня ещё не было.

Я позвонила в дверь. Открыл мне Игнат. Подхватив два пакета из трёх, он потащил их в кухню, отдуваясь и приговаривая:

— Это ты их на себе тащила, как выючная лошадь?

— Ну, сегодня мне повезло. Соседка подвезла на детской коляске, — честно ответила я. — Но вряд ли мне будет так фартить каждый день. Так что или ты будешь возить меня на машине раз в неделю для капитальных закупок, или будем вызывать каждый раз службу доставки. Ну, потом решим.

Я вдруг сообразила, что негоже так разговаривать с работодателем, но слово — не воробей...

Но работодатель мой несколько не обиделся, а наоборот, засмеялся:

— Ты забыла, душа моя, что машина вчера

вечером почил в бозе?

— Ну ты же купишь другую...

— А если у меня на другую денег нет?

Я прекратила разбирать покупки и прищурилась:

— А зарплату мне платить у тебя деньги есть?

Или я терплю эту каждодневную канонаду только из любви к шуму и грохоту?!

— Есть, есть у меня деньги, успокойся, — поднял он руки в знак примирения. — И машину новую я сегодня же куплю. Могу и за тобой закрепить машину с водителем для поездок по супермаркетам и химчисткам. Хочешь?

— Не хочу, — буркнула я, пытаюсь втиснуть в дверцу холодильника ещё один пакет молока. — У меня самой права есть. Нечего мне уродов всяких в шофёры подсовывать...

— У тебя есть права? — ошоломел Игнат. — Это как же так получилось? — И засмеялся: — Понял! Ты же у нас — девочка из деревни... Наверное, ты там у себя курсы механизаторов окончила? Так это не одно и то же...

— Слушай, не делай из меня совсем уж дуру деревенскую, — разозлилась я. — Просто хотела я такси водить, они вроде бабки неплохие зарабатывают, вот и научилась водить профессионально. Но потом в газете написали, как какие-то сволочи решили ночью машину угнать, а

женщину-водителя, которая оказала сопротивление, они просто убили и выбросили из машины. Я испугалась и в такси работать не пошла, а пошла уже на курсы домработниц. Но права-то у меня остались! И навыки, конечно... Кстати, и с этой работой я тоже, выходит, попала пальцем в небо... Думала, что домработница — это самая что ни на есть мирная профессия, а живу здесь, как на передовой! Сплошные взрывы и бомбёжки!

Работодатель мой порозовел, крыть ему было нечем. Он попытался увести разговор в сторону, стал задавать вопросы насчёт будущего обеда.

Я прогнала не в меру любопытного Игната из кухни и метнулась к своим любимым кастрюлям. Работы-то — непочатый край!

Пока в самой большой кастрюле варилась картошка, а в сковородке готовилась для неё луковая за жарка, я приготовила два овощных салата: огуречно-помидорный заправила растительным маслом, а капустный — майонезом. Я же не знаю, кому из работников что нравится, кто к чему привык... Пусть лучше будет разнообразие. Картошку я тоже решила подать в двух вариантах: одну часть полить луковой за жаркой, а другую перемешать с тушёной. Чтобы, значит, тоже угодить на любой вкус. И пару селёдок разделала. Пожалуй, хватит.

Быстренько перехватив на ходу селёдочный

хвостик, одну картофелинку и половинку свежего огурчика, я вышла в холл и стала стучать ложкой по дну пустой кастрюли.

Несколько голов высунулось из разных комнат.

— Что за какофония? — недовольно морщился Феликс.

— Случилось чего? — зычно вопрошал из гостиной Андрюша, чинивший там окно.

— Кто работал, кто устал, — час обеденный настал. Обе-еда-ать! — прокричала я зычным голосом поварихи с полевого стана. — Только, чур, каждый приходит со своей стулкой!

Стол-то в кухне большой, круглый, а стульев там как было два, так и осталось. Вчера, когда Кирилл пришёл, Игнат ему стул из кабинета притащил, но потом назад отнёс. Сегодня он на правах хозяина обрыскал весь дом и собрал необходимое количество стульев. Я обедать со всеми вместе отказалась, их осталось только семеро, и они все отлично разместились за столом. Заварив чай в двухлитровом пузатом заварочном чайнике, я накрыла его салфеткой и ушла из кухни.

Поднялась в свою комнату, улеглась на кровать и с наслаждением вытянула ноги. Однако устала я сегодня!

День этот тянулся бесконечно, но известный

всему миру мудрец уверял, что всё проходит. Он-таки был прав! Прошёл и этот бесконечный день.

Когда умельцы покинули дом, я прошлась с пылесосом по всем помещениям, а потом позвала Игната на кухню чай пить. Чаепитие превратилось в лёгкий ужин. Мы с ним доели из кастрюли остатки картошки, а из холодильника — остатки огурцов. Господи, завтра опять в магазин тащиться за овощами, ну что за жизнь!..

— Слава богу, все окна на месте, сегодня можно спать спокойно, — сказала я, прихлёбывая зелёный чай. — А как успехи у шустрого паренька с чудо-чемоданчиком?

— Представь себе, успехи есть, — сказал Игнат, отрешённо глядя в окно, за которым стремительно темнело. — Ещё два «жучка» нашли. Один был у меня в спальне, в телефонном аппарате, а другой — в кабинете, да так хитро замаскирован, что мы еле-еле его нашли. Прибор показывает, что «клопик» тут есть, а где именно? Всё вверх дном перевернули десять раз подряд, потом Феликс хлопнул себя по лбу и велел парнишке тройник раскручивать — ну, тот, куда у меня включены принтер, сканер и стационарный компьютер. И представь себе, «клоп» сидел именно там! Внутри удлинителя, с ума сойти... Век можно было его не обнаружить, если бы не этот замечательный

чудо-чемоданчик!

— Какой Феликс умный, что купил его, — уважительно сказала я.

— Купи-ил? — засмеялся мой работодатель. — Такой чемоданчик стоит дороже приличной иномарки. И состоит на вооружении у наших доблестных спецслужб. А такие, как Феликс, арендуют это оборудование по мере надобности. Вместе с оператором. Парнишка, который состоит при этом чемоданчике, не у Феликса работает, а в ФСБ. Они, эфэсбэшники, сдают напрокат мальчика с чемоданчиком за очень неплохие деньги. Чёрт, мне Феликс за эту операцию такой счёт вкатал!.. Да ещё и наперёд пришлось деньги заплатить.

— Но ведь и результат конкретный есть, — утешила я его.

— Да, результат есть, — согласился Игнат, — только ничего разгадать этот результат не помог, а только добавил новых загадок. Кто понатыкал по всему дому этой дряни? Когда? Каким образом? Ведь не при мне же всё это ставилось, сама понимаешь... Я ухожу на работу, а сюда подкрадываются какие-то злодеи и делают своё чёрное дело... А я и подумать ничего такого не мог! Теперь ты понимаешь, для чего мне в доме нужен «живой замок» в твоём лице?

Я кивнула.

Конечно, теперь в доме уже есть и

сигнализация, и я, и «наружка» из охранного агентства день и ночь глаз с клиента не спускает, но когда-то ведь ничего этого не было. Вот вам и результат...

Следующий день прошёл на удивление спокойно. Я окончательно навела порядок в доме, сделала небольшую постирушку, потом занялась приготовлением ужина.

Игнат явился рано, где-то около пяти часов вечера. Хотя, конечно, в июне пять часов называть «вечером» — это форменное издевательство. Солнце-то высоко, почти в зените. Но рабочий день у большинства людей в это время всё-таки заканчивается.

Прикатил он на какой-то таратайке немыслимого грязно-зелёного цвета. Ещё только подъезжая к дому, стал истошно сигналить. Я бросилась к окну в холле. Он с шиком подкатил к крыльцу, лихо развернулся и замер напротив входной двери.

Я выскочила на крыльцо и тоже замерла.

Игнат вышел из машины, картинно облокотился на приоткрытую дверцу со следами ржавчины по периметру и, плавным жестом указав на зелёное убожество, спросил:

— Ну, как тебе карета?

В «карете» с трудом угадывалась гордость

советского автомобилестроения, мечта любого «совка» середины семидесятых годов — автомобиль «Жигули», который для зарубежных граждан был переименован в «Ладу», чтобы у иностранцев не возникало ассоциаций со словом «жиголо».

Машину, стоящую сейчас у крыльца, идентифицировать было невозможно. То есть этот автомобиль был точно из модельного ряда «Жигулей», но то ли собирался он из деталей, подобранных на свалке, то ли с течением времени, теряя свои родные детали, соглашался на неравнозначные замены, но его с одинаковым успехом можно было посчитать и «пятёркой», и «шестёркой», и «семёркой», потому что от всех этих моделей ему что-то, да перепало. И самое главное — капот этой зелёной каракатицы венчал значок «мерседеса», так называемый «прицел». Словом, это была не машина, это было *нечто* !

— Чего молчишь?

Я забормотала, осторожно подбирая слова, чтобы не обидеть хозяина:

— Ну, что я могу сказать... «Шкода», безусловно, смотрелась лучше, да и шла тебе больше... Но что же делать, раз горе такое... Эта тоже ничего, ничего... Ездит же, вот и ладно! А ты себе на хорошую ещё заработаешь, не сомневаюсь!

— Да при чём здесь я? — весело удивился

Игнат. — Не мне же на ней ездить!

— А кому? — удивилась я в ответ.

— Да тебе же, дурочка! — захохотал он.

— Что значит «мне»? — оторопела я. — Ты хочешь, чтобы я была твоим личным шофёром? Я, конечно, могу, категория мне позволяет, но как же тогда идея «живого замка» в доме?

Он подошёл ко мне и потряс за плечи, как сомнамбулу:

— Аня, очнись! При чём здесь я? Себе я куплю машину другого класса, уже заказал, завтра мне её пригонят. А эту я купил для тебя, чтобы ты на рынок ездила, в супермаркет, химчистку и вообще — чтобы куда надо, туда и ездила. Ясно тебе? Алё!

Он пощёлкал пальцами у меня перед лицом, и я действительно очнулась.

Ну да, точно. Он же вчера действительно пообещал мне машину с водителем. От водителя я наотрез отказалась, точно помню. Но от машины не отказывалась, вот он её и купил. Человек слова, да-а...

Я стояла и размышляла, как мне сейчас поступить. С одной стороны, мне полагалось запрыгать от радости и облобызать щедрого хозяина. С другой стороны, о *такой* машине я никогда не мечтала, да и никто на свете не может мечтать о таком монстре. А с третьей стороны, не

может же хозяин, сам оставшийся без колёс, покупать домработнице шикарный лимузин для поездок на рынок за мясом и овощами...

Заморгав быстро-быстро, как сломанная кукла, я тряхнула головой и медленно произнесла:

— Поверить не могу... У меня теперь что, будет своя машина?

— Ну! Дошло наконец-то! — обрадовался он.

— Обалдеть... И мне не надо будет таскать в руках эти тяжеленные сумки? Спасибо тебе, Игнат! Огромное спасибо, правда! — с чувством произнесла я.

Он засмутился:

— Да чего там... Ты ведь тоже человек...

Надо же, заметил! А мог и не догадаться...

— Быстренько дай мне свой паспорт, я съезжу к нотариусу, пока конторы не закрылись, оформлю на тебя доверенность.

Я сбегала наверх, вынесла свой паспорт, отдала.

— А моё присутствие при этой процедуре не требуется?

— Нет, там достаточно только данных паспорта. А ты ставь шампанское в холодильник, обмоем вечером это дело!

Он уехал к нотариусу, я же выбрала в баре шампанское, сунула его прямо в морозилку, чтобы быстрее остыло, и бросилась к плите. С ужином

действительно следовало поторопиться.

Конечно, доверенность мне он сделал не генеральную, а просто доверенность на право управления автомобилем. А с другой стороны, зачем мне генералка? Даже если бы я была по натуре аферисткой, продать эту машину всё равно бы не смогла. Ну разве что за пять копеек... Хотя — какие там пять копеек? Размечталась... За пять копеек её Игнат купил. Продать теперь можно будет разве что за три...

Но шампанское мы всё-таки выпили. И заели его макаронами под соусом «болоньез».

Шампанское — вино очень коварное. Оно здорово ударило своими пузырьками Игнату в голову, и он вдруг разговорился. Стал рассказывать мне о жизни своей «поломатой», как он сам выразился. Я спросила, почему он променял столичное житьё-бытьё на наше захолустье, и он рассказал странную историю.

Оказывается, в столице он имел хорошо налаженный бизнес, который приносил неплохой доход. Но в один прекрасный момент фортуна отвернулась от него, и всё стало рушиться. Пошли проверки за проверками, «наезды» за «наездами», сплошное вымогательство. Как выразился сам Игнат, «кислород» ему перекрыли по всем направлениям сразу. И бизнес-то у него был вовсе

не криминальный. Вполне легальный бизнес. Держал сеть винных бутиков. Вино, кстати, там было всегда только отменного качества, никакого фальсификата.

— Ну, я слышала, на алкоголе ведь большие деньги делаются! Ты, наверное, кому-то дорогу перешёл? Может, покупателей чьих-то переманил?

— Ничего-то ты не знаешь, глупенькая девочка... Это минеральной воды наши люди выпивают не слишком много. А того, что с градусами... Для алкогольщиков рынок наш, можно сказать, неисчерпаем. Или нет, незаполняем... Словом, — махнул он рукой, — эта продукция всегда найдёт сбыт. Ну, страна у нас такая, что поделаешь...

— Да, я никогда не занималась бизнесом, но живу-то среди людей! — не сдавалась я. — И знаю, что среди продавцов — любых — идёт жестокая борьба за покупателя.

— Откуда знаешь?

— Так в газетах написано! — горячилась я. — Любую почитай! А ты, наверное, чьих-то покупателей «увёл». Или, наоборот, кто-то вознамерился «увести» твоих покупателей!

— Ну, знаешь, в твоих доводах был бы смысл, если бы речь шла о каком-нибудь земельном участке или, скажем, старинном замке, существующем в единственном экземпляре. Тогда

— да, тогда — борьба жесточайшая, причём не на жизнь, а на смерть. Но я же тебе о чём толкую? О том, что возможности нашего человека по потреблению горячительных напитков практически исчерпаемы. К тому же острая конкурентная борьба идёт между владельцами винных «точек» на базарах и вокзалах, где торгуют «палёной» водкой. В моих же магазинах вина продавались *элитные*. Ты понимаешь, что это такое?

— Для элиты, что ли?

— Ну, можно сказать и так, — устало махнул он рукой. — Понимаешь, если бутылка вина стоит столько, сколько ты зарабатываешь за месяц, то понятно, что за право купить эту бутылку не будут драться рядовые алкоголики и бомжи. И это, представь, самое средненькое винцо в моём магазине! А вообще-то в продаже у меня были вина, стоимость которых доходила до нескольких тысяч долларов за бутылку, представляешь?

Я только молча покачала головой.

— И ещё у нас была такая «фишка»: мы не просто продавали вино, мы принимали заказы. У нас по каталогам можно было заказать любое вино любого урожая из любой части света. Даже если этого не было в каталогах, мои специалисты всегда знали, где можно найти искомое. Ну о какой такой особой конкуренции здесь может идти речь? Да в моих магазинах и толпы-то никогда не было! Так,

зайдут прилично одетые люди, ознакомятся с ассортиментом, с каталогами, поговорят с менеджером, оставят заказ, предоплату и свои координаты. А мы найдём для них то, что надо, закажем, выкупим или даже сами съездим, если что... А потом звоним: Иван Иванович, извольте получить! Или желаете, чтобы мы сами вам на дом бутылочку доставили? Так ведь с превеликим нашим удовольствием! — дурашливо кривлялся Игнат.

— Что, из-за одной-единственной бутылочки столько кутерьмы? — не верила я.

— А что такого? Если эта бутылочка по стоимости — дороже квартиры в спальном районе, так можно и подсуетиться...

— Это конечно, — пришлось мне согласиться. — А что случилось потом?

— Потом пошла полоса невезения. Сначала налоговики придираться стали. Но там у меня всё чисто было, придираться особо не к чему. Хотя налоги — это такое дело, что даже при полном ажуре нанервничаешься так, что не дай бог... Потом санэпидемстанция придираться начала. С пробирочками ходили, смывы какие-то брали, сотрудников гоняли чуть не каждый день посевы сдавать... Народ у меня потихоньку увольняться начал, устав от этих изощрённых издевательств. А работники мои — это же специалисты

экстра-класса! Растерять их легко, а вот набрать новых... Годами ведь растил! Учил, холил, лелеял...

— Ну, можно было набрать новых людей, их тоже постепенно выучить, — предположила я.

— Да что ты понимаешь! — оскорбился корифей винного бизнеса. — «Но-овых», — передразнил он меня. — У меня же не лоток на улице был, а сеть винных бутиков с весьма эксклюзивным товаром! Когда мой бизнес процветал, знаешь, сколько желающих было устроиться ко мне на работу? Толпами осаждали! Но кастинг проходили очень немногие, потому что отбирал я только самых лучших специалистов. Да-а, было время, когда все бежали ко мне... А потом настало время, когда все побежали *от* меня! Конечно, с таким запасом знаний, квалификацией и опытом работы они мигом трудоустраивались, причём в очень денежные места. А главное — на новой работе никто не заставлял их еженедельно сдавать посеы из носоглотки и прочих мест...

Игнат горестно промолчал, отхлебнул шампанского, потом вдруг стукнул кулаком по столу и взорвался:

— Нет, ну при чём здесь санстанция, ты мне объясни! Я же не колбасой торговал, не молоком разливным! Да пусть бы хоть все мои работники

разом заболели гепатитом, дизентерией и сифилисом! На качестве вина, закупоренного корковой пробкой и заключённого в бутылку, обросшую с годами благородной пылью, это бы никак не сказалось. А одна дура из санстанции вообще заявила, что бутылки очень пыльные, их все надо немедленно помыть. Помыть!.. Смыть следы времени, всколыхнуть осадок, побеспокоить вино! Немыслимо... Я идиотке этой стал рассказывать, что во Франции в таких же бутиках, как у меня, *очень пыльные бутылки красуются в пуленепробиваемых витринах на шёлке и атласе, что чем больше на них пыли, тем ценнее вино... Бесполезно. Пыль, говорит, смыть, завтра лично приду, проверю. Представляешь?*

Я пожала плечами:

— Честно сказать, я сама пыль не очень жалую, но если ты говоришь, что она особо ценная, тогда, конечно, другое дело...

Игнат продолжал горевать:

— Смыть с винной бутылки вековую пыль, гордость и производителей, и хранителей вина, и продавцов, и потребителей... Тогда надо из рокфора всю плесень повыковыривать, а ещё лучше этот сыр вообще уничтожить, потому что плесень же... И хлеб печь перестать, потому что дрожжи — это тоже грибки, тоже, выходит, плесень!

Словом, разбушевался он не на шутку. Я

хотела ему дать что-нибудь успокоительное, но, во-первых, не знала, что именно, во-вторых, не знала, где у него аптечка, а в-третьих, не была уверена, что успокоительное можно сочетать с алкоголем. Пришлось дожидаться, пока успокоится сам.

— Но окончательную точку в этой истории поставили пожарные. Велели решётки железные с окон убрать. Я говорю: как же так, ведь в помещении хранятся ценности невероятные! А они мне: не положено с решётками! Вдруг пожар начнётся, как нам работы проводить? Я продолжаю не понимать и удивляться — с чего вдруг пожар? Что там может гореть? Это же не склад лакокрасочной продукции, не бензозаправка. Бутылки стеклянные. Внутри — жидкость. Такое даже нарочно не подпалишь, сколько не старайся. А пожарники мне: алкоголь — штука горячая. Так это чистый спирт горит! Или, по крайней мере, жидкость, где спиртов содержится больше пятидесяти процентов, причём значительно больше. А вино... Это же двенадцать градусов, семнадцать, двадцать... Его не то что поджечь невозможно, им, наоборот, уже начавшийся пожар загасить можно! Потом, со временем, до меня дошло, что и пожарники, и санитарный врач надо мной просто издеваются. Можно было, конечно, отстаивать свои права в суде, как это принято в мире. В мире, но не

у нас. Суд бы, может, и восстановил справедливость, только мне от этого какая радость? Гладко было на бумаге, да забыли про овраги... Магазины мои опечатаны, а дела-то в судах рассматриваются годами. Как ни крути, вылетаю я в трубу... Мне один человек опытный объяснил: кто-то, говорит, тебя «заказал». Пока что тебя — ну, меня в смысле — выдавливают экономически, так ты это понять должен и меры принять. А не поймёшь, так и стрельнуть могут.

— И ты сдался? Отдал свой бизнес?

— А что мне было делать? Ждать, когда и впрямь застрелят? Тогда бы мне бизнес уже точно не пригодился. И потом, против танка не попрёшь... Если кто-то серьёзный задумал меня с дороги убрать, то с этим надо было считаться.

— А ты нашёл заказчика? Ну, того человека, которому ты мешал?

— Ну как его найдёшь... Да и зачем искать? Чтобы убедиться, что он и в самом деле хочет или моей смерти, или ухода с этого сегмента рынка? Так это я и сам понял. Короче говоря, бизнес я свернул, помещения продал, вина свои драгоценные по другим торговым точкам попристраивал за бесценок. Хозяева магазинов, прослышав о моих плачевных делах, скупали у меня товар за копейки и тут же выставляли в продажу по реальной цене, несколько меня не

стесняясь. Я от обиды готов был удушить каждого лично. Но что мне оставалось?

— А к нам ты зачем приехал? Думал, здесь твоему бизнесу лучше будет?

— Нет, Аня, к вам в город я попал случайно и по другой причине. Я как-то зашёл пообедать в один тихий ресторанчик. Там кухня замечательная, лучше всех готовят! Ну, сделал заказ, жду, как полагается. А за соседним столиком мужик сидит, десерт доедает. Знакомым мне показался. Я пригляделся: мама дорогая, да это же Серёга, дружок мой школьный! Важный такой стал... Но мне, понятное дело, он тоже обрадовался. Расцеловались мы с ним, он за мой столик пересел. Рассказал, что здесь, у вас, большим чиновником работает. Расхвастался так... Потом, правда, догадался спросить, как я поживаю. Хотел я было туману напустить, прикинуться крутым столичным бизнесменом, каковым, собственно, раньше и являлся, а потом подумал: зачем? Какой смысл? Вот взял да и рассказал ему всю правду. В двух словах, конечно, но суть он уловил. И спрашивает: так ты, Игнатушка, не знаешь, чем тебе теперь заняться? Да, говорю, я нынче — витязь на распутье. Направо пойдёшь — голову отрубят, налево — съедят, а прямо поедешь — и вовсе погибнешь. В общем, куда ни сунься, везде мне выходит либо дом казённый, либо гроб тесовый.

Перспективка, что и говорить...

Я, в принципе, человек жалостливый, но когда жалуется мужчина, да ещё и так долго, это, согласитесь, утомляет. Чтобы не заснуть под его причитания, я встала и начала потихоньку наводить порядок в кухне: собрала со стола тарелки, смела крошки, заварила чай. Чай, правда, взяла в пакетиках и заварила прямо в чашках. Рассуждала я так: если я заварю в чайнике, то чаепитие может затянуться до полуночи, а значит, мне предстоит ещё долго слушать причитания взрослого мужика, который ведёт себя, как дитя малое. А если чая перед ним будет только одна чашка, он, может быть, выпьет его и уйдёт спать.

Игнат взял свою чашку и стал задумчиво полоскать пакетик в кипятке. Скорее всего, он не понимал, что делал, то есть просто не думал в тот момент о каком-то там чае. Он сейчас мысленно сидел в том самом ресторане, где встретил своего одноклассника.

— Тогда Серёга предложил мне приехать сюда. Сказал, что винный бизнес здесь вряд ли пойдёт так же хорошо, как в столице, да и неизвестно, пойдёт ли вообще. Но обещал, что без работы я не останусь. Вот так я сюда и попал. Дом здесь купил, работать начал...

— А можно у тебя спросить — чем ты

занимаешься теперь? Уже, наверное, не вином?

— Нет, Аня, уже не вином. К большому моему сожалению... Сейчас я, Сергей и Кирилл, третий наш одноклассник, затеяли масштабное дело, очень перспективное.

— Кирилл — тоже ваш одноклассник? — ахнула я. — Вы что, договорились?

— Нет. Кирилл попал сюда по причине женитьбы на местной барышне.

— Бедная барышня! Жить с таким грубияном...

— Не волнуйся, уже никто ни с кем не живёт. Он с ней давным-давно развёлся, но отсюда не уехал, потому что бизнес у него здесь, к тому же он — депутат облсовета, да и вообще привык здесь человек... Уехала она, его бывшая жена, а он так здесь и осел. Кстати, я когда узнал от Серёги, что здесь живёт Кирия, да ещё и типа дружит с ним, так ехать сюда поначалу раздумал. С самой школы Кирюху не люблю. Мы с ним тогда вечно дрались. Но потом подумал, взвесил: а что мне Кирюха? Не детей же мне с ним крестить... А Серёга мне поможет по новой на ноги встать. В общем, закрыл я глаза на то, что придётся иметь дело с бывшим школьным недругом. Так рассудил: в жизни никогда не бывает так, чтобы было всё абсолютно хорошо. Даже при самом классном раскладе, когда масть сама в руки идёт, огромную бочку мёда

обязательно испортит капля дёгтя. В той ситуации капризничать было бы просто смешно.

Чай был допит. Я решила, что на сегодня хватит уже откровений. Подошла к раковине и стала демонстративно мыть посуду. Что мне за дело до их бизнеса, до давней школьной дружбы и вражды? Главное, чтобы сегодня к нам не влетела никакая граната. А то уже смешно будет третий день подряд оконных мастеров вызывать. Да и перед соседями неловко — каждый день взрываться... Это что же о нас люди подумают?!

Назавтра оказалось, что Игнат на работу не торопится.

— Ты сегодня весь день дома будешь? — уточнила я.

— Нет, не весь. Но ещё пару часов побуду. А что, мешаю тебе?

— Пару часов? Отлично! — обрадовалась я. — Как раз успею смотаться за продуктами. А ты сиди, дом карауль. Потом я приеду, а ты уедешь. Так и будем жить, как в армии: смену сдал — смену принял.

Я поехала в супермаркет и затарилась там от души. Теперь возможности мои были ничем не ограничены. Тяжеленные сумки не придётся тащить в руках, их будет везти машина.